

Заветная книжечка

Если рассказывать о влиянии русской культуры на меня, то лучше всего начать с августа 1945 года, когда мне было пять лет. Именно тогда Красная Армия вступила в схватку с японскими фашистами на северо-востоке Китая. Почти каждый день советские войска проходили по моему родному городу Цицикару. Некоторые воинские части даже останавливались на несколько часов отдохнуть, подкрепить силы, чтобы затем двинуться в дальнейшее наступление на врага.

У нас в городе русские появлялись и раньше, но это были эмигранты. Именно от них узнали местные жители некоторые русские слова и фразы, помогавшие им, хотя и с трудом, но всё-таки изъясняться. Вот почему, когда прибыли советские воины, мои земляки наперебой стали пытаться заговорить со своими освободителями. Ни о каком правильном произношении и речи не могло быть, но кто бы осудил взрослых, а тем более детей, за дружелюбно произносимые слова, обращённые к усталым солдатам! То там, то здесь гортанно звучали то дискантами, то тенорками слова, которые и сейчас вызывают у меня улыбку при одном только о них воспоминании, — все эти «халашо», «ведало́», «леба», «дласть», «дянди», «мунога», «ещи» и им подобным. И что интересно, ведь понимали нас солдаты!

Однажды небольшой отряд пропылённых и усталых пехотинцев отдыхал на городской спортивной площадке. Некоторые лежали прямо на земле, подстелив серые суконные шинели, другие сидели на скамейках, переговариваясь негромко, попыхивая дымком самокруток и сигарет. Кто-то чуть слышно напевал песню, кто-то читал книжку. Велись негромкие разговоры о чём-то своём, заветном. А я с несколькими мальчишками глазел на них с края площадки из-за кустиков бузины, смущаясь своего детского любопытства, не в силах побороть желание как можно лучше разглядеть форменную одежду и оружие незнакомцев.

Вдруг один из воинов, усатый, в пилотке, с простыми солдатскими выцветшими погонами на плечах вылинявшей гимнастерки, махнул рукой и окликнул меня: «Иди сюда». Я подошёл на его зов. Он отложил книжку, которую перед тем внимательно читал, и погладил меня по голове. Ни слова из того, что он произнёс при этом хрипловатым голосом, я не понял. Но звучание речи, спокойное и радушное, располагало к этому, как мне тогда показалось, старому человеку. Осмелев, я указал на книжечку и спросил по-китайски: «Есть ли картинки?» Он, конечно, также не смог понять меня. И тогда он сказал громко одно только слово: «Пушкин!»

Я повторил на свой лад это его слово: «Пу-сы-кин», — и все воины, кто был рядышком, повеселели, а иные и засмеялись. Солдат поднял меня на крепких руках и расцеловал в обе щёки. Его сосед также чмокнул меня от души. Потом первый солдат протянул мне книжечку, которую он читал, и произнёс несколько русских слов, среди которых было и «хорошо». Это слово я понимал. А ещё он несколько раз повторил новое для меня слово «бери». Оттого что не получил позволения родителей, я сразу не посмел взять подарок. А он

с решимостью сунул книжечку мне в руки. Пробормотав смущённо: «Се-се!» (спасибо), — я с ребятами побежал домой.

Дома первым делом показал свой подарок. Мама сказала: «Это очень дорогая вещь. Сохрани её, сынок. Когда ты сможешь прочитать её и понять, о чём там написано, тогда из тебя выйдет большой человек».

Слова мамы крепко врезались в мальчишескую душу. И с тех пор у меня возникла одна поначалу смутная мечта: научиться читать не только по-китайски, но и на русском языке, побывать когда-нибудь в России.

Прошли годы, и я смог прочитать ту книжечку. Это были «Избранные стихи» Александра Пушкина.

Да, вступление Советской Армии в Китай, её сражения с интервентами, общение советских воинов с простым народом сеяли зерна дружбы и распространяли уважение к советским людям. Таким образом, русская культура оставила глубокие следы в памяти китайцев моего поколения.

Для китайцев северо-востока Китая был ещё и другой канал восприятия русской культуры — общение с массами русских эмигрантов, которые жили с нами как соседи, знакомые, коллеги или друзья. Во времена моего детства недалеко от дома родителей проживало много русских. Был там и один «тонс», то есть переводчик, который работал с русскими эмигрантами. От него я услышал немало новых для себя слов на полюбившемся мне языке. Не что иное, как окружающая среда сделала меня, ещё подростка, человеком, довольно сносно изъясняющимся по-русски.

Моим первым настоящим учителем русского языка была эмигрантка по фамилии Левская. Ей ещё не было тридцати лет. Устная речь её текла как ручей, была по-настоящему музыкальна, что очень понравилось всем ученикам. Учительница укрепила меня в тяге к её предмету, привила влечение к серьёзной лингвистической работе. Именно с тех пор я по-настоящему осознанно полюбил русский язык.

Мои школьные незабываемые деньки пришлись на пятидесятые годы прошлого века. Тогда в Китае осуществляли политику «наклонения к одной стороне», то есть сближения с Советским Союзом. В то время во многих отраслях промышленного производства мы кропотливо учились у специалистов из СССР. Более того, учебники средней школы по математике, физике, химии, ботанике, зоологии, основам дарвинизма и ещё ряду предметов были переведены с советских оригиналов. Школьные годы как раз являются годами формирования мировоззрения у человека. Надо сказать, что эти отличные учебники помогли нам не только освоить естественные науки, но и сформировать у людей моего поколения мировоззрение диалектического материализма.

Такое воспитание и обучение оказались для нас полезными на всю жизнь.

Однако влияние русской культуры на моё поколение ограничивалось не только учебниками. На нас благотворно влияли и литература, музыка, живопись — особенно картины, написанные маслом, — советские кинофильмы, пьесы.

Хотя много лет прошло, но одна история всё ещё остаётся у меня в памяти. Когда мы учились в первом классе средней школы первого этапа, у нас был мальчик по фамилии Чжан. Он очень увлёкся романом Николая Островского

«Как закалялась сталь», истово поклонялся Павлу Корчагину. И даже хотел было переименоваться в Павла, но родители были против, и переименование не состоялось. Но с тех пор «Павел» стало его прозвищем. Зато у нас в классе «родилась» Зоя Ван.

Да, сколько бы идеологических перекосов с точки зрения настоящего времени ни имел роман «Как закалялась сталь», однако нельзя отрицать, что он в своё время действительно воспитал несколько поколений китайских юношей и девушек. Слова Павла Корчагина «жизнь нужно прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» действительно пробудили молодёжь тех исторически сложных лет и воодушевили нас на путь к великой цели.

Немало пользы принесли и другие советские художественные книги: «Молодая гвардия», «Повесть о Зое и Шуре», призвавшие наше поколение на героизм в строительстве своей страны, воспитали благородные моральные качества. Всё это разве забудем? Нет, не забудем!

В пятидесятые годы советских фильмов в наших кинотеатрах показывали гораздо больше, чем китайских. До сих пор чётко помню, как затаив дыхание смотрел со своими сверстниками фильмы «Чапаев», «Сельская учительница», «Повесть о настоящем человеке», «Сталинградская битва», «Падение Берлина». Они тоже воспитывали нас.

Особенно следует упомянуть, конечно, о русской музыке, в первую очередь о тех песнях, которые знают и стар и млад: «Ой, цветёт калина», «Катюша», «Подмосковные вечера», «Уральская рябина», «Огонёк». Ситуация того времени была такова: в будни пели, по радио пели, на вечерах пели, на концертах пели... Одним словом, очень часто пели. Даже с лесной дорожки, где моросило, из-под зонтика, защищавшего влюблённую парочку от дождя, слышалось что-нибудь вроде: «Трудно высказать и не высказать всё, что на сердце у меня...» Мои школьные, а затем и университетские товарищи были ярыми любителями советских песен, которые пели не иначе, как на русском языке. В их числе был и я.

Поют эти песни и сегодня в клубах караоке, чтобы насладиться красотой русской музыки, облегчить с её помощью душу. И всё-таки надо сказать, что люди того времени пели эти песни с большей сердечностью и верой. Эти песни, ликвидируя традиционное феодальное сознание, вдохнули свежий воздух в китайское общество, привили молодёжи трепетное отношение к любви. Мне рассказывали, что однажды девушка-китаянка выразила свои чувства к парню, подарив ему свою фотокарточку со словами из песни: «Ой, цветёт калина в поле у ручья. Парня молодого полюбила я...»

Да разве расскажешь обо всём, что влияло на нас! Целого альманаха «Примурье» не хватит для этого — не то что этих строчек моих воспоминаний.

Конечно, для нас, кто занимается изучением русской культуры как делом всей своей жизни, её влияние было ещё больше и глубже, чем для остальных людей. Лично мне это помогло не только в становлении мировоззрения и морального духа, но и повлияло на выбор цели и дела всей моей жизни.

У меня и у подобных мне людей душа полна русской культуры! И эта любовь безгранична.